

РАЗМЫШЛЕНИЯ О «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ГЕРМАНИИ И О РУССКО-НЕМЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ¹

Леонид Люкс

Католический университет г. Айхштетт

Резюме. *Первая мировая война завершилась крахом авторитарно управляемых империй и убедительной победой западных демократий. Следствием этой победы было, однако, восстание против Запада, против присущих Западу ценностных ориентаций, заявленный с небывалым для подобных движений радикализмом. Антизападный дискурс с особым упорством вели представители немецкой и русской духовной элиты, продолжая тем самым глубоко укорененную в обеих странах традицию противостояния западному пути развития. К самым радикальным критикам Запада в Веймарской Германии принадлежали представители так называемой «Консервативной революции», а в русской эмиграции — возникшее в 1921 г. движение «Евразийцев». Анализу этих двух течений посвящена данная статья.*

¹ Этот текст — обновленная версия статьи, ранее опубликованной в «Вопросах философии» (3/1996).

Ключевые слова: консервативная революция, евразийство, Первая мировая война, большевизм, национал-социализм, тоталитаризм, либерализм, западничество.

В России в последние годы большой популярностью пользуются идеи немецкой «консервативной революции» возникшей в Веймарской Германии в 1920-е гг. Их называют чуть ли не последним словом европейской мысли, течением, имеющим не только блестящее прошлое, но и великое будущее. Кем же в действительности были «консервативные революционеры»? Как определить их идейные установки?

Надо сказать, что «консервативная революция» действительно была очень влиятельной группировкой в Веймарской республике. Это идеологическое течение насчитывало немало блестящих умов и рафинированных стилистов (Эрнст Юнгер, Артур Мёллер ван ден Брук, Ганс Церер, Эдгар Юнг и др.).

Австрийский писатель Гуго фон Хофмансталь, который в 1927 году пустил в обиход понятие «Консервативная революция» определил это течение как восстание против невыносимо-неромантического 19-го века, как поиск путей преодоления связанных с ним идей: эти искатели — не масса, а одиночки; своего рода нация одиночек (Hofmannsthal, 1955: 390-413).

Консервативная революция объединяла парадоксальным образом понятия, которые отрицают друг друга. Ведь консерваторы обычно пытаются защитить старое от посягательств революционеров, а революционеры стремятся к разрушению старого во имя нового.

Консервативные же революционеры объединяли эти две противоположные установки — были одновременно и радикальными разрушителями и реставраторами. Разрушить они хотели хрупкую немецкую демократию, возникшую после поражения Германии в Первой мировой войне. Немецкий политолог Ханс Бухгейм пишет в этой связи: «Национальная спесь, не желающая смириться с военным поражением, пока что еще не могла двинуться на своего врага и потому ополчилась против собственного государства, как если бы ликвидация этого государства была первым условием национального возрождения» (Buchheim, 1958: 54).

Так что, по отношению к возникшей в ноябре 1918 г. «первой» немецкой демократии консервативные революционеры действительно были революционно настроены. А что же они хотели сохранить? Пытались ли они возродить возникшую в 1871 и разрушенную в 1918 г. Вторую германскую империю? Ни в коем случае. Рухнувшую вследствие Первой мировой войны Вильгельмовскую империю Консервативные революционеры считали царством посредственности и мещанства. Нет, не по ней они тосковали. Возродить они хотели не ее, а давно ушедший в небытие средневековый Германский Рейх (Winkler, 2002: 524), с которым они связывали всякого рода романтические воспоминания: рыцарство вдохновляющееся миссионерскими идеями, иерархически построенное сословное государство с почти непроницаемыми социальными перегородками, где каждое сословие несло свои обязанности по отношению к общественному целому и не думало только о своих правах.

Но можно ли себе представить что-то более утопическое чем эту попытку группки немецких интеллектуалов восстановить в Германии структуры ушедшие в историческое небытие более полуторычи лет назад? Были ли консервативные революционеры обречены на неудачу из-за утопичности их целей? Вряд ли. 20-е столетие было веком реализации самых, казалось бы, фантастических утопий. Сталину, например, удалось осуществить давнюю мечту радикальных социалистов, стремящихся к полному уничтожению частной собственности. Когда Маркс и Энгельс в феврале 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» писали, что главной целью коммунизма является упразднение частной собственности, эта идея казался всего лишь выдумкой абстрактно мыслящих молодых людей — своего рода «шигалевищиной», как назвал бы такого рода постулаты Достоевский. Однако 82 года спустя, во время коллективизации сельского хозяйства в СССР, эти «шигалевские» идеи были почти полностью осуществлены.

Гитлер, в свою очередь, почти полностью осуществил идеи радикальных антисемитов 19-го века, мечтающих о «Европе без евреев».

Уже в 1924 г. Николай Бердяев говорил в этой связи, что в 19-м столетии часто приходилось слышать сожаления о том, что утопии хоть и прекрасны, но не могут быть осуществлены; в 20-м же веке человечество столкнулось с совсем другим положением вещей: утопии гораздо легче осуществить, чем считалось раньше, вопрос в том, как предотвратить их осуществление (Бердяев, 1924: 121-122).

То, что говорил Бердяев, касалось и консервативных революционеров. Их мечты о построении нового 3-го рейха, по образцу

средневековой германской империи, были отнюдь не безобидным резонерством, так как они в немалой степени очистили путь для создания реального Третьего рейха. Утопичность грез «консервативных революционеров» придавала их стремлению к реализации их утопий еще большую динамичность. Эта динамика была, однако, направлена в первую очередь не на созидание, а на разрушение существующего тогда в Германии и Европе порядка и связанных с ним идей — в первую очередь либерализма, парламентаризма и идей правового государства.

Заимствованный у Запада либерализм был объявлен консервативными революционерами смертельным врагом немцев — да и всего человечества. Для одного из ведущих авторов консервативной революции, Мёллера ван ден Брука, либерализм являлся «моральным недугом народов»: он олицетворяет собой, якобы, свободу от убеждений и выдает ее за убеждение (Moeller van den Bruck, 1931). Здесь отчетливо слышится характерная для певцов консервативной революции наставительная, морализаторская нота. Гуманизм для авторов, находящихся под впечатлением несправедливого Версальского договора и потому готовых разрушить весь европейский порядок, — это предмет насмешек, что не мешает им, не моргнув глазом, обвинить либералов и либерализм в нравственном индифферентизме.

Неудивительно, что этот морализирующий аморализм, который дает незамедлительное отпущение грехов собственным неправедным деяниям, а противника клеймит как неисправимого злодея, — так притягательно действовал на многих.

Вовлечение Германии в круг либерально-демократических государств — результат интриг коварного Запада, считает Мёллер ван ден Брук. Сам то Запад, продолжает идеолог Консервативной революции, к либеральному яду нечувствителен, на самом, деле никто там не верит всерьез в принципы либерализма. А вот в Германии их принимают за чистую монету. Не видят, что либерализм несет с собой разложение и гибель. Западные державы не сумели одолеть немцев в честном бою — и теперь пытаются погубить Германию с помощью революционной и либерально-пацифистской пропаганды. И глупые немцы покорно глотают эту отраву (Moeller van den Bruck, 1931).

То, что немецкое Верховное командование в 1917 г. обеспечило Ленину беспрепятственный проезд в Россию, то, что оно рассматривало экспорт революции как законное средство борьбы с противником, попросту сбрасывалось со счетов. Нужно было любой ценой отвлечь внимание от собственной вины и собственной несостоятельности. Тем громче и назойливей были инвективы против мнимого врага.

Упоение консервативных революционеров их собственными национальными бедами было таким же безграничным, как и их мания величия. Теперь оказывалось, что единственное средство утолить страдания немцев — это мировое господство. «Владычество над землей — таково средство сохранить жизнь, предоставленное... народу перенаселенной страны, — считает Мёллер ван ден Брук. — Вопреки всем противоречиям, устремления людей в нашей перенаселенной стране направлены к единой цели: нам необходимо пространство» (Moeller van den Bruck, 1931, 63: 71-72).

Критики Запада из лагеря консервативной революции мечтали о новом вооруженном походе против западных держав. Война была, по их убеждению, той стихией, где немец чувствует себя вольготно. Эрнст Юнгер писал, что немец, обряженный в гражданское, буржуазное одеяние, выглядит смехотворно. Почему? Да потому, что он по своей природе бесконечно далек от идеи индивидуальной свободы и, следовательно, от буржуазного общества (Jünger, 1932).

Существует только одна масса, которая не вызывает смеха: это армия, — добавляет Юнгер (Jünger, 1933). Освальд Шпенглер вещает: «История государств есть история войн. Идеи, требующие решений..., отстаивают не словами, а силой оружия» (Spengler, 1920: 52-53).

Британский историк Льюис Немьер даже называет войну одной из форм немецкой революции (Namier, 1947: 25-40). Похоже, что спасение, которое чаяли обрести последователи консервативной революции в «переживании войны», оправдывает этот тезис.

Американский историк Генри Тёрнер полагал, что Первая мировая война поставила под вопрос старинный европейский идеал храбрости. Анонимное, методическое истребление людей дезавуирует традиционные воинские добродетели. Для миллионов людей вера в личный героизм стала абсурдом. Как бы вторя Тёрнеру, немецко-американский историк Вольфганг Зауэр говорит о мощном пацифистском брожении в послевоенной Европе; это брожение грозило, по его мнению, развенчать самый образ солдата (Turner 1972: 168-169; Sauer 1967: 411).

Успех воинственной и прославляющей войну праворадикальной идеологии в период между двумя войнами, прежде всего в Германии и Италии, начисто опровергает этот тезис. Гипноз войны, всеокрушающей военной техники был куда сильнее, чем всякие сомнения относительно смысла войны. Этот примечательный феномен еще в 1928 г. привлек внимание немецкого публициста Морица Юлиуса Бонна. Идеализация войны, писал он, — анахронизм, война в наше время — это не наивно-безотчетное упоение битвой, как во времена легендарных героев, современная война — это машина, это предприятие по массовому уничтожению людей. И все-таки такую войну прославляют! (Landauer и др. 1928: 131-132).

Прославляющим войну немецким противникам парламентской демократии она, т.е. демократия, представлялась «нерыцарственной». Ноябрьская революция 1918 г. оказалась неспособной защитить страну, писал Эрнст Юнгер. Она обернулась против солдат на фронте. Мужество, честь, мужская стойкость — эти понятия были ей чужды (Bastian, 1963: 66). Освальд Шпенглер с презрением пишет о «неописуемо безобразных» ноябрьских событиях: «Никакого величия, ничего вдохновляющего. Ни одной по-настоящему крупной фигуры. Ни единого слова, выдерживающего испытания временем. И даже ни одного отважного преступления» (Spengler, 1920: 11).

Для правоведа Карла Шмитта принадлежащего к самым блестящим разрушителям тех основ, на которых зиждилась немецкая демократия, Веймарская республика по сути не была государством. Отдельные сегменты общества (партии, союзы, связанные общими интересами, и т.п.)

захватили власть в стране и злоупотребляют ею ради собственной выгоды, утверждает Шмитт. Государство как воплощение общего дела практически упразднено.

Консервативные революционеры усматривали неисцелимый недуг либерального, правового государства в его мнимой неспособности принимать решения, справляться с «критическими ситуациями». В правовом государстве, сетует Карл Шмитт, распоряжаются не люди и не начальство, а законы. Исконное и нерушимое понятие власти подменено абстрактными нормами (Schmitt, 1932).

Ученик Шмитта Эрнст Форстхоф добавляет: честь и достоинство — личностные категории; правовое государство устраняет все личное; поэтому оно не знает понятий чести и достоинства (Forsthoff, 1933: 13).

Так в стане консервативной революции распространилась мечта о настоящем хозяине — тоска по Цезарю. Харизматический вождь, явление которого еще и XIX и начале XX в. предрекали, одни с тревогой, другие — связывая с ним великие надежды, некоторые видные европейские умы, должен был заменить господство внеличных институтов владычеством воли.

Цезаристская идея имеет в Западной Европе давнюю традицию. Еще Макиавелли мечтал о властителе, чьи деяния и свершения вызволят Италию из-под гнета старых установлений, о вожде, который объединит страну. Образцами для Макиавелли служили кондотьеры эпохи Возрождения. Эти люди поднялись из низов, всем были обязаны самим себе и благодаря своим выдающимся талантам стяжали славу и власть.

Кондотьеры сметали древние династии и отжившие институты, смело вводили новый порядок в своих государствах. Таким же новым Цезарем, но в несравненно большем масштабе, был и Наполеон.

Кризис парламентарной системы, с особой остротой поразивший после 1918 г. Италию и Германию, подогрел в обеих странах тоску по харизматической личности. В лице этого сверхчеловека должен был возродиться исконно-личный характер политики. Отныне пусть снова властвуют герои, а не доктрины, классы или анемичные учреждения.

Эрнст Никиш, приверженец левого крыла консервативной революции писал в 1936 г.: «(Немецкая буржуазия) насытилась безликой законностью, презирала свободу, охраняемую законом; эти массы хотели служить конкретному человеку, преклониться перед личным авторитетом, перед диктатором... Неожиданные зигзаги, прихоть и произвол «вождя» они готовы были предпочесть строгой предсказуемости раз и навсегда гарантированного законного порядка» (Niekisch, 1953: 87).

Мировой экономический кризис 1929 г. нанес еще один удар по либеральному мировоззрению. Рухнула вера в то, что либеральная система способна к саморегуляции. Свободная игра экономических сил, принцип конкуренции оказались не в состоянии предотвратить небывалый хозяйственный крах.

Впрочем, зашаталась не только либеральная модель. Кризис испытало тогда и марксистское мировоззрение. Блестящий эмигрантский историк и публицист Георгий Федотов в 1931 г. писал, что идея социальной справедливости и защиты угнетенных явно потеряла

привлекательность; вместо этого в Европе повсеместно растет самый безудержный национальный эгоизм, готовый оправдать всякое распространение собственной нации в ущерб другим народам (Федотов, 1931: 421-438; 1991. Т. 1: 320-328).

Оказалось, что либерализм и марксизм переживали общую судьбу, что ров между ними не так уж глубок, как казалось вначале.

Что же связывало неуступчивый и нетерпимый, притязающий на владение абсолютной истиной марксизм с релятивистским и плюралистичным либерализмом? В первую очередь это была вера в разум, в человеческую способность овладеть как природными, так и социально-экономическими процессами. Оба мировоззрения торжествуют в эпохи, когда господствует вера в науку и прогресс. Когда уже увядает эта вера, бьет час идеологов культурного пессимизма, певцов иррационализма, — бьет час консервативной революции.

На так называемые народные массы, равно как и на массовые партии, консервативные революционеры взирали сверху вниз. С их точки зрения эти партии были неотъемлемой частью Веймарской системы, внушавшей им отвращение. Многие представители консервативной революции посмеивались над планами Гитлера совершить в Германии «легальную революцию» с помощью избирательных бюллетеней. Эрнст Юнгер считал, что, пересев на парламентского коня, Гитлер лишь демонстрирует свою ослиную глупость. Эрнст Никиш добавлял (в 1932 г.): кто избегает открытого столкновения, — как Гитлер — тот уже побежден (Niekisch, 1932).

Несмотря на подобную критику большинство консервативных революционеров эйфорически приветствовало лавинообразные победы НСДАП в начале 30-х годов. Эрнст Никиш и его группа «Сопrotивление» принадлежали к немногочисленным скептикам. Для большинства же критиков Веймарской демократии из лагеря консервативных революционеров, триумфальные победы НСДАП в начале тридцатых годов символизировали конец ненавистной либеральной эпохи, начало национального возрождения.

Некоторые круги Консервативной революции — и прежде всего группа, объединившаяся вокруг журнала «Ди Тат» («Действие») и его издателя Ганса Церера, — искали сближения с нацистской партией, пытаясь подчинить ее своему влиянию. В июле 1932 г. немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин опубликовал статью о группе «Ди Тат». Кружок «Ди Тат», писал автор, намерен использовать национал-социалистическое движение с целью осуществить «немецкий социализм». Однако и национал-социалисты сумели употребить этих союзников с пользой для себя, ибо получили духовную поддержку и дополнительные возможности инфицировать общественное мнение своей идеологией. Наивность таких людей, как Церер, не может служить для них, по мнению Шифрина, оправданием, эти люди «хотят быть обманутыми», хотят «соединить реакцию с социализмом» (Schifrin, 1932: 97-108). Строго говоря, А. Шифрин в этом пункте все же заблуждался. Консервативные революционеры, действительно, были поразительно наивны. Они считали себя хладнокровными политиками, их расчет был — позволить нацистам провести предварительную подготовку к

последующей «подлинной» национальной революции. Решающим моментом подготовительной работы было свержение Веймарской республики. А там уж «консервативные революционеры» возьмут руководство в свои руки. Что же произошло? После 30 января 1933 г. они уже никому не были нужны. Вместо того чтобы пожать плоды чужой «работы», они сами расчистили путь нацистам.

Лишь постепенно они начали, подобно ученику чародея, понимать, каких демонов они растревожили. Утрата иллюзий приняла довольно широкие масштабы. Одни из тех, кто подготовил события 30 января 1933 г., пали жертвой нацистской деспотии (Эдгар Юнг), другие ушли во внутреннюю эмиграцию (Эрнст Юнгер).

Но с другой стороны необходимо подчеркнуть, что грезы консервативных революционеров о национальной диктатуре, об упразднении либерального государства «без чести и достоинства», о Германии готовой к войне, грезящей о безграничной экспансии, вплоть до господства над миром, их тоска по сильной руке, по завершающей историю «третьей империи» почти закономерно должны были воплотиться в фактически установленный 30 января 1933 г. Третий рейх.

Идеология консервативных революционеров во многом напоминает идейные установки их российских современников, однако не в Советской России, а в эмиграции.

Большевиков лишь с большими оговорками можно считать антизападниками. Они вовсе не были склонны отвергать Запад как

таковой. Тезис о предстоящем «закате Европы» их не убеждал. Европейская буржуазия — вот кто был обречен, а отнюдь не весь Запад. Предчувствие близящегося конца у правящих классов, утверждали большевики, лишь подтверждает коммунистический прогноз — крушение капитализма, которое стоит уже на пороге. Модная на Западе пессимистическая философия Освальда Шпенглера — верное классовое предчувствие буржуазии, не замечающей, однако, пролетариата, который должен ее заменить, писал Троцкий в 1922 г. (Троцкий, 1924: 549).

Ленин еще в начале XX века считал нелепостью пророчества о гибели Запада. Они стимулировались победой Японии над царской Россией в 1905 г. Триумф Японии развеял миф о непобедимости Европы. Ленин приветствовал победу японцев. Но это вовсе не означало, что он верил в некий особый азиатский путь, отличный от пути Европы. Вот что писал Ленин накануне первой мировой войны о борьбе Азии за освобождение, усилившейся после русско-японской войны: «Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что *новые сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик-пролетариат» (Ленин, 1958-1965. Т. 21: 402).

Все это свидетельствует о том, что в традиционном русском споре западников и славянофилов большевики занимали скорее радикальную западническую позицию. Веру в особый путь России они не разделяли. Если у России и было своеобразие, то оно сводилось, по мнению

большевиков, к ее отсталости. Подобно другим русским западникам от Петра I до Сергея Витте, они только и мечтали о том, чтобы догнать высокоразвитые страны Запада.

Совершенно иначе смотрели на Запад и на петровский замысел европеизации России некоторые эмигрантские течения — в особенности, возникшее в 1921 г. евразийское движение. Евразийцы считали, что Петр I своей реформой уничтожил тот фундамент, на котором покоилась мощь России. Ни одному из иностранных завоевателей еще не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и формировавшийся веками национальный уклад, писал один из основоположников евразийства, князь Николай Трубецкой (Трубецкой, 1925: 35-39).

Евразийцами не берется во внимание, что идеализируемая ими Московская Русь постепенно начала задыхаться от своей автаркии и собственного самодовольства, что по крайней мере со времени террора Ивана Грозного начался беспрецедентный кризис российской идентичности. Чтобы преодолеть все более глубокую культурную стагнацию Россия срочно нуждалась в культурных побуждениях извне, и откуда они могли прийти, если не с Запада. Не случайно, говорит критик евразийства, Владимир Вейдле, Петр Первый открыл окно не в сторону Мекки, не на Лхасу, но в Европу.

Своим радикальным отрицанием Запада и характерных для Запада идей, в особенности либерализма, евразийцы во многом напоминают консервативных революционеров (Wiederkehr, 2007: 15, 65, 129, 147-148; Laguelle, 2008: 26, 210; Байссвенгер, 2009). Обе группировки объединяет также стратегическая идея — овладеть изнутри тоталитарной партией, с

тем чтобы привлечь ее приверженцев к осуществлению своих собственных целей. Дело дошло до того, что евразиец К. Чхеидзе в 1929 г. выразил надежду на превращение ВКП(б) в партию евразийцев (1929: 38-40). И он был не одинок. Все это показывает, как далеки были евразийские идеологи и политики от понимания природы советской тоталитарной власти, природы тоталитарных партий и режимов вообще, насколько эти идеологи недооценивали способность тоталитарного режима истреблять вокруг себя все «подрывные элементы», всякую тень инакомыслия.

Определенный параллелизм заметен и в политической структуре евразийского движения и немецкой консервативной революции. Оба течения носили подчеркнуто элитарный, «аристократический» характер; оба основывались на вере во всемогущество идей. Евразиец Петр Савицкий писал в 1923 г. о том, что народы будут управляться идеями, а не учреждениями, что коммунизм можно преодолеть лишь при помощи другой, еще более высокой и всеобъемлющей идеи (Савицкий, 1923: 9-10). Подобные высказывания о власти идей могли бы принадлежать таким ведущим представителям консервативной революции, как Ганс Церер, Мёллер ван ден Брук или Эдгар Юнг. Так же как немецкая консервативная революция, движение евразийцев было восстанием молодежи против идей и целей старшего поколения. Ко времени возникновения евразийского движения Трубецкому было всего 30 лет, Савицкий был еще моложе. И в обоих случаях — как у немцев, так и у русских — восстание молодых принимало неожиданные, нетрадиционные формы. В XIX веке было обычным делом, что сыновья оказывались левее отцов. После

событий 1917-18 гг. это правило не соблюдалось. Теперь сыновья нередко правее своих отцов – либералов или умеренных консерваторов. На это обстоятельство указывал Трубецкой, одновременно подчеркивая, что речь идет отнюдь не о реставрации, не о тоске по старине. Нужны новые пути, ибо традиционные — левые — идеологии потерпели фиаско. Новые идеологии, писал Трубецкой, в действительности ни левые, ни правые, ибо они находятся в иной плоскости отсчета. Радикально новое есть не что иное, как обновление глубокой древности, другими словами, новая идеология ориентирована не на вчерашний день (Трубецкой, 1923: 18-29). Евразийцы отвергают петербургскую Россию во имя Святой Руси.

Тут видна аналогия с некоторыми уже упомянутыми группировками консервативной революции, которые отвергали Вильгельмовскую Германию во имя средневекового рейха (Moeller van den Bruck, 1931: 5-7, 178-179).

Время расцвета евразийства — это одновременно и время расцвета идей консервативной революции: двадцатые годы. Только что закончившаяся мировая война была событием, в котором консервативные революционеры видели начало новой великой эпохи. От войны они ожидали радикального обновления общества, возможность начать все заново. Для евразийцев же роль мировой войны сыграла русская революция. В двадцатых годах национал-социалистическая диктатура еще не обозначилась на политическом горизонте, сталинская диктатура только начала вырисовываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не успела принять отчетливый

тоталитарный облик, как это произошло после сталинской революции сверху в СССР и установления нацистской диктатуры в Германии. Политическая действительность еще казалась «экспериментальной». Это был звездный час идеократических движений, стремившихся изменить мир с помощью идей, а не громоздких и неповоротливых бюрократических аппаратов или трудно контролируемых движений.

Конечно, между евразийством и консервативной революцией существовали немалые различия. Например, в учении евразийцев очень важное место занимала религия. Трубецкой и его последователи стремились не только к восстановлению национального величия России, но и к религиозному обновлению. Для большинства же консервативных революционеров в Германии религия почти не имела значения. Чувство уязвленного национального самолюбия — вот что доминировало в их политическом мировоззрении и отодвигало на второй план все другие духовные вопросы. По-разному относились евразийцы и консервативные революционеры к насилию. Хотя евразийцы считали революцию и гражданскую войну неизбежными, они, несомненно, были далеки от того, чтобы восхищаться насилием. У евразийцев почти не встречается эстетизация насилия, типичная для многих идеологов консервативной революции (Jünger, 1933). Наконец, евразийцы, в противоположность консервативно-революционным группировкам, действовали вне пределов своей страны, их проповедь никак не влияла на ее развитие. Правда, евразийцы придавали большое значение тому, чтобы их не воспринимали как «обычную» эмигрантскую организацию. Они

внимательно следили за развитием событий внутри Советского Союза, им даже казалось, что их идеи находят отклик.

Желание участвовать в политическом развитии новой России было у некоторых евразийцев настолько сильным, что они впадали в тот же соблазн, за который сами еще в середине 20-х годов порицали появившееся в 1921 г. движение «Смена вех». Их отношение к большевистскому режиму становилось все менее критическим. По этому вопросу возникли резкие разногласия, которые в 1929 г. привели к расколу движения. В Париже возникло просоветское крыло евразийцев под руководством С. Эфрона и Дм. Святополк-Мирского, объединившееся вокруг журнала «Евразия».

Параллелизм в мышлении евразийцев и консервативных революционеров бросается в глаза. Встает вопрос, существовали ли между ними прямые контакты, влияли ли друг на друга оба течения. Если это было, то крайне редко. Петр Савицкий жалуется в 1931 г. на неожиданно вялый отклик немецкой общественности на публикации евразийцев. В таких странах, как Польша, Чехословакия, Югославия дело обстоит иначе (Савицкий, 1931).

Может быть слабое эхо евразийства в Германии объяснялось языковым барьером? Вряд ли. Антизападный манифест основоположника евразийства Николая Трубецкого, «Европа и человечество», опубликованный в 1920 г. уже в 1922 г. был переведен на немецкий. Весьма подробно писал о русских евразийцах в 1927 г. Ганс фон Римша в монографии «Зарубежная Россия» (Rimscha, 1927: 182-193). Так что связывать неуспех евразийцев в Германии с языковыми препятствиями

нет оснований. Скорее этот неуспех был связан с тем, что «зарубежная Россия» интересовала публицистов консервативной революции куда меньше, чем советское государство. Они были загипнотизированы (как, впрочем, и сами евразийцы) советским экспериментом.

А как обстояло дело с реакцией евразийцев на идеи консервативной революции? Эта реакция тоже была сравнительно слабой. Правда евразийцы внимательно изучали писания Освальда Шпенглера и других интеллектуалов веймарской Германии. Однако феномен консервативной революции как таковой занимал их очень мало. Среди немногих исключений можно назвать статью А. Антипова «Новые пути Германии» в евразийском сборнике «Новая Эпоха» (1933). Автор анализирует программы разных группировок консервативной революции — от кружка «Ди Тат», до группы «Спротивление» Эрнста Никиша и видит поразительное сходство консервативной революции с идеологией евразийства.

Когда в начале 1930-х гг. в СССР развернулись индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, евразийцы были очарованы гигантским размахом этих преобразований. Евразиец Пейль писал в 1933 году о триумфе новой эпохи централизованной плановой экономики, пришедшей на смену устаревшему хаотическому ведению хозяйства (Пейль, 1933: 3-5). Для Савицкого это означало конец подражания Западу. В России возникла грандиозная общественно-экономическая модель, которая в конце концов завоюет Запад (Савицкий, 1933: 11-12). (Стоит сравнить с этим «тотальную мобилизацию» и грезы о государстве рабочих и воинов Эрнста Юнгера.)

Кончились двадцатые годы, кончилось и время идеологических экспериментов. Кончилась юность самих евразийцев. Их претензии, как и претензии консервативных революционеров, повлиять «изнутри» на сталинский госр. нацистский режим обнаружили свою утопичность. Слепое послушание и безоговорочное принесение себя в жертву тоталитарному государству были принципами, на которых строились эти режимы. Таким политическим силам, как евразийцы или консервативные революционеры, там не было места.

Несмотря на это, основоположник евразийского движения, Николай Трубецкой, оптимистически оценивал будущее евразийства. В 1937 г. — в судьбоносном году сталинского режима — Трубецкой опубликовал в 12 тетради «Евразийской хроники» свою статью под названием «Упадок творчества». Хотя статья не содержит ни единого слова о терроре, она являет собой уничтожающую критику сталинизма. Согласно автору, репрессивная политика режима привела к параличу творчества в стране: «Люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить». В этой порожденной партией культурной стагнации Трубецкой видит причину неспособности сталинизма создать свой собственный культурный стиль. В Советском Союзе, пишет он, осуществляется всего лишь неуклюжее подражание полностью устаревшим культурным моделям, которые доминировали в дореволюционной России в шестидесятые-семидесятые годы 19 столетия (Трубецкой, 1995: 446).

Евразийцы мечтали о том, чтобы прийти на место истощившей себя коммунистической партии. В вышеназванной статье Трубецкой писал, что положение в Советском Союзе хотя и вызывает озабоченность, но не

является безнадежным: «Исход состоит в замене марксизма другой идеей-правительницей» (Трубецкой, 1995: 448). И для Трубецкого не было никакого сомнения в том, что эта другая идея может быть только «евразийской».

Годом позже Трубецкой умер и его смерть символизировала конец классического евразийства. Как тогда казалось, оно окончательно покинуло политическую сцену. Несмотря на свое безграничное честолюбие, евразийцы, таким образом, не смогли создать действенную альтернативу коммунистической идеологии. Учение евразийцев казалось странной и окончательно закрытой главой в истории российской эмиграции. Однако, в мире идей царят законы, которые всегда готовы преподнести сюрприз. Евразийским идеям, вроде бы канувшим в Лету в конце тридцатых годов, суждено было пятьюдесятью годами позже пережить совершенно неожиданный ренессанс. Уже в конечной стадии горбачевской перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие защитники имперской русской идеи пустились на поиски новых объединяющих начал для всех народов и религиозных сообществ советского государства и открыли при этом евразийские идеи. Однако анализ идеологии неоевразийства выходит за рамки данной работы.

Но вернемся к «Консервативной революции». Учитывая скорбные последствия действий консервативных революционеров, понятно, почему их идеи в послевоенной Германии полностью дискредитированы, а их возрождение, несмотря на некоторые попытки консервативных

революционеров после 1945 г. вернуться на политическую сцену, в сущности, немислимо.

Совершенно иначе обстоят дела, как известно, в постсоветской России. Здесь идеи этой группировки пользуются немалым влиянием. С особой настойчивостью пытаются их популяризовать идеолог неоевразийства Александр Дугин провозглашая их чуть ли не высшей точкой развития западной мысли.

В действительности же, как уже было сказано, идеи консервативных революционеров на Западе уже давно обветшали и обанкротились. Однако уже не в первый раз России пытаются навязать ретроградную идеологию, выдавая ее за последнее достижение европейского ума. Так было в 1917 г., когда большевики начали широко пропагандировать свою наивную веру в науку и прогресс, наивный материализм — все то, что в Западной Европе и в интеллектуальных кругах России («Вехи») уже в начале века было преодолено. Ныне, как и в 1917 г., стране угрожает запоздалая «европеизация» с помощью вытасненных из чулана, устаревших идей.

Библиография:

Алексеев Н. Евразийцы и государство// Евразийская хроника №.9. 1927. С. 31-39.

Алексеев Н. Теория государства. Издание евразийцев 1931.

Байсвенгер М. «Консервативная революция» в Германии и движение евразийцев: точки соприкосновения // Форум восточноевропейской истории и культуры 1/2009, С.23-40.

Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Обелиск. Берлин, 1924.

Ленин В. Полное собрание сочинений (ПСС). Издательство политической литературы. М., 1958-1965.

Пейл В. За идеократию и план// Новая Эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры. Издание евразийцев. Нарва, 1933. С.3-5.

Савицкий П. О внепартийности//Евразийская хроника №. 9. 1927.

Савицкий П. Очередные вопросы экономики Евразии// Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры. Нарва, 1933. С.10-15.

Савицкий П. Подданство идеи// Евразийский временник №.3. 1923. С.9-10.

Савицкий П. В борьбе за евразийство. Париж, 1931.

Сувчинский П. Идеи и методы// Евразийский временник №. 4. 1925. С. 24-65.

Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. Госуд. Издат. М., 1924.

Трубецкой Н. (И.Р.) Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин 1925.

Трубецкой Н. Общевразийский национализм//Евразийская хроника № 9. 1927. С.24-30.

Трубецкой Н. История, Культура. Язык. Издательство «Прогресс». М., 1995.

Федотов Г. Социальный вопрос и свобода // Современные записки № 47. 1931. С.421-438.

Федотов Г. Сумерки отечества//его же. Судьба и грехи России. Издательство «София». Санкт-Петербург, 1991. Т. 1. С.320-328.

Чхеидзе К. Евразийство и ВКП (б)// Евразийский сборник №. 6 1929. С.38-40.

Bastian K.-D. Das Politische bei Ernst Jünger. Krause. Freiburg i. Br, 1963.

Buchheim H. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. Kösel. München, 1958.

Forsthoff E. Der totale Staat. Hanseat. Verl. Anst. Hamburg, 1933.

v. Hofmannsthal H. Schrifttum als geistiger Reichtum der Nation/ Gesammelte Werke. Prosa. Band 4. S. Fischer. Frankfurt am Main, 1955. С.390-413.

Jünger E. Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hanseat. Verl. Anst. Hamburg, 1932.

Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Mittler. Berlin, 1933.

Landauer C./Honneger H./Bonn MJ. Internationaler Faschismus. G. Braun. Karlsruhe, 1928.

Laruelle M. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire. The John Hopkins University Press. Baltimore, 2008.

Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hanseat. Verl. Anst. Hamburg, 1931.

Namier L. The Course of German History/ Facing East. Hamilton. London, 1950. P.25-40.

Niekisch, E. Das Reich der niederen Dämonen. Rowohlt. Hamburg, 1953.

Niekisch E. Hitler – ein deutsches Verhängnis. Widerstandsverlag. Berlin, 1932.

v. Rimscha H. Russland jenseits der Grenzen. Fromannsche Buchhandlung. Jena, 1927.

Sauer W. National Socialism: Totalitarianism or Fascism// The American Historical Review 1967. P.404-424.

Schifrin A. Adelfaschismus und Edelfaschismus// Die Gesellschaft7, 1932, S.97-108.

Schmitt C. Legalität und Legitimität. Duncker&Humblot. München, 1932.

Spengler O. Preußentum und Sozialismus. C.H. Beck Verlag. München, 1920.

Turner H.A. Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Vandenhoeck&Ruprecht. Göttingen, 1972.

Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Böhlau Verlag. Köln, 2007.

Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. C.H. Beck Verlag. München, 2002. Erster Band.